

СЕМЕЙНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Галина **РОМАНОВА**

и другие :-)

**Дарья Александровна Калинина
Татьяна Александровна Бочарова
Галина Владимировна Романова
Евгения Михайлова
Инна Юрьевна Бачинская
Татьяна Витальевна Устинова
Анна и Сергей Литвиновы
Семейный детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67469865

*Семейный детектив:
ISBN 978-5-04-167324-6*

Аннотация

Известна притча о дикобразах, которые прижимались друг к другу в холодный день, чтобы согреться, но кололи друг друга своим иглами. Так и близкие люди, ища поддержки, порой ранят друг друга нечуткостью и непониманием. Это случается в любой семье, и тогда главное – найти в себе силы удержаться от обидных слов и необдуманных поступков. У героев

остросюжетных рассказов из сборника «Семейный детектив» тоже возникают подобные проблемы. Как они их решают, нам мастерски демонстрируют Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Галина Романова и другие лидеры детективного жанра.

«Семейный детектив» – не совсем обычная новинка в популярной серии «Великолепные детективные истории». В этот сборник вошли короткие криминальные истории самых известных и любимых читателями авторов, работающих в остросюжетном жанре. Их герои столкнулись с необычной ситуацией в собственной семье и стараются с честью выйти из этих сложных обстоятельств.

Рассказы, входящие в сборник:

- Продавец вечности
- Тяжелая ноша
- Семейная ценность
- Обвиненная
- Соглядатай
- Семья напрокат
- Дело о пропавших ампулах

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы	6
Татьяна Бочарова	40
1	40
2	48
3	55
4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Семейный детектив

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Анна и Сергей Литвиновы

Продавец вечности

Когда в доме дочь-подросток – все время на пороховой бочке. Вот и сегодня жена доложила:

– От Валухи табаком пахнет.

Савва уже засекал свою деточку с папироской. Матери тогда не сказал, взял слово, что больше не будет. Обманула, значит.

– И что с ней делать? – причитала супруга. – Я картинку рака легких в интернете нашла, показываю, а она мне: «Мать, у тебя самой – рак мозгов». Дверью хлопнула и умчалась.

Супруга, Леночка, если злилась, выглядела чертовски хорошенькой, Савва всегда умилялся. Он в нее и влюбился – когда пришел в поликлинику на укол, а совсем юная медсестричка ругалась, что у него ягодица излишне напряженная.

Сейчас тоже обнял, шепнул в ушко:

– Да и пусть гуляет. Пойдем пока побесимся.

Но Леночка отпрянула:

– Вечно ты с сексом своим! Не до того!

– Что мешает?

Она взглянула словно на умалишенного:

– Не могу я! Когда дочь в пропасть летит. И денег в доме нет!

Умела жена нагнетать. Какая там пропасть – училась Валушка прилично, по мужикам не шлялась. Да и с деньгами в семье не хуже, чем у других, недавно машинку посудомоечную купили. Но Леночка всегда недовольна. И никогда не забудет подчеркнуть, что она теперь в семье – главная кормилица.

Еще недавно ничто в жизни женушки не предвещало блестящей карьеры. Леночка тарабанила в роддоме простой медсестрой, получала прожиточный минимум, радовалась редким шоколадкам от пациентов. Но недавно перевели ее в синекуру – пеленать, выдавать детишек счастливым родителям. Пятьсот рублей за девочку, тысяча за мальчика, а иногда и по пятерке совали. Жена зазналась неимоверно. Раньше был для нее «самым умным» и даже «Бисмарком», а теперь – «Кому твоя жалкая наука нужна!».

Древнерусская история и впрямь кормила не щедро. Но раньше Ленка ценила: график свободный. Савва всегда может дочку из садика подхватить, на больничном с ней посидеть. Гордилась, когда в любой компании он побеждал в умном споре. Всем хвасталась, что муж придумывает удивительные авторские туры по родимой стране. Нынче все не так. Подавай ей Египет, олл инклюзив, автошколу, машину, а на его любимую отраду – книги – пылесборники! – деньги тратить нечего.

И сексуально привлекательны, видите ли, только успешные мужчины.

Но Савва Леночку любил и потому все ее закидоны терпел.

Вот и сейчас он покорно убрал руку с пышного, горячего бедра и пошел крутиться по хозяйству. Заварил для жены чаю, принес ей к телевизору плед. Спроворил ужин.

Дочь явилась в три минуты одиннадцатого. Леночка выразительно взглянула на часы и хмуро потребовала:

– Дыхни.

Хотя и так понятно: от одежды дочкиной тянет терпким одеколоном, а от нее самой, на весь коридор, – клубничной жвачкой.

– Ты понимаешь, дура, что кожа желтая будет? Зубы в коричневых пятнах? – завелась Леночка.

Но юная, цветущая дочь лишь презрительно хмыкнула и швырнула в лицо матери сумочку:

– Докажи сначала! Нет у меня никаких сигарет!

– А если найду? – улыбнулся Савва.

В наглom взгляде дочки на долю секунды промелькнуло смятение. Но тон остался вызывающим:

– Попробуй.

Он в сумку даже заглядывать не стал. От жены (та показывала на дочкину куртку) отмахнулся и внимательно посмотрел на Валечку:

– Слово даешь, что не куришь?

Она весело отозвалась:

– Конечно, папуля!

– Хорошо.

Савва сходил на кухню, принес из аптечки пульсоксиметр – жена недавно притащила с работы: контролировать, чтобы в дом ковид не прокрался. Велел:

– Давай палец.

– И что мне твоя прищепка?

– Не прищепка, а прибор нового поколения. Специально для тебя приобрел. Определяет даже малейшую концентрацию угарного газа. Куда эффективнее древней иммунохроматографии.

Блефовал откровенно, но дочка стушевалась, отдернула руку.

А Савва добил:

– И сигареты я знаю, где прячешь.

Он отодвинул упрямыцу, вышел в подъезд, вызвал лифт. Валька маячила сзади, кусала губы. Отец дождался, пока подъедет кабина, зашел, сунул руку в полость между лифтовым пространством и потолком. Легко нашел в пыли пачку тоненьких, девчачьих, папиросок.

– Откуда ты узнал? – в ужасе спросила дочь.

Савва не стал объяснять, что сам когда-то там прятал. Усмехнулся:

– Дедуктивный метод. И, кстати: у нас в серванте джин к Новому году стоит. Я в курсе, что бутылка давно открыта и ее водой доливают. К празднику в лучшем случае вместо сорока градусов десять останется.

Дочка сжалась. Супруга побагровела. Савва сказал:

– Не переживай. Нашу дочку все-таки не зря *Валентиной* зовут. Имя для самых крепких, здоровых и жизнестойких. Не будет Валюшка пить и курить, правда ведь?

Дочка, не веря в спасение, мышью проскользнула в свою комнату. Леночка с восхищением произнесла:

– Да, ты все-таки Бисмарк.

И немедленно добавила ложку дегтя:

– Но только если такой умный – почему такой бедный?

* * *

Леночка давно пыталась приспособить витавшего в облаках супруга к какому-нибудь денежному делу. От некоторых экспериментов удавалось отбиться, в других участвовал. Но везде, где иные преуспевали, – даже почти что в «профильном» репетиторстве оболтусов, – терпел крах. Однако Леночка не теряла надежды.

И после вчерашней разборки с дочкой-подростком осенила супругу очередная идея:

– Будешь родителей новорожденных по поводу имен консультировать!

– Как ты себе это видишь? – перепугался Савва.

– Да очень просто! Выписку люди часа по два ждут, и кто там только не крутится – все бизнес вертят. Шары надувные в небо выпускают, фотографии делают, памперсами торгу-

ют. А ты своим умом зарабатывай. Предлагай, как лучше называть, чтоб ребенок счастливым вырос.

Отбиться не удалось, и следующим же утром Савва под присмотром супруги отправился в роддом, как на казнь. Леночка убежала в святилище, а новоиспеченный консультант остался в тесном холле, где отцы и прочие родственники ожидали выписки наследников.

Народ в основном сидел в телефонах, коробейников отгонял. Кому здесь нужны его советы да еще платные? Но он вспомнил укоряющее лицо жены, тяжело вздохнул и обратился к самой дружелюбной на вид, немолодой, но подтянутой даме:

– Э-ээ, добрый день! Скажите, у вас внук или внученька?

Та наградила уничижительным взглядом:

– Добить решил?

– Чего? – растерялся он.

– Из жизни бы вычеркнуть этот день! Бабкой сделали! И ты тут еще соль на рану!

– А я был бы рад, – пробормотал Савва.

– Сгинь. – Цыкнула женщина.

Может, отцы добрее?

Но первый же устроил допрос:

– Вы на каком основании консультируете?

– Я историк. Знаю значения имен. Святцы. В чем-то на астрологию опираюсь.

– Лицензия у вас есть?

– Э... для моих услуг лицензия не нужна.

– А кассовый чек выдаете?

– Давайте я вас бесплатно проконсультирую. Вы как хотите ребенка назвать?

– Макс. Но полное имя не Максим, а Максимилиан.

– Означает «самый большой». С одной стороны, неплохо.

Но сразу возникает коннотация с Робеспьером.

– С кем?

– Автор «Господства террора». Убийца сотен тысяч человек.

Распахнулись двери, с младенцем на руках явилась его Леночка и голосисто позвала:

– Копейкин!

Жадюга всколыхнулся, кинулся, протянул руки к свертку. Леночка ребенка не отдавала, улыбалась. Она произнесла со значением:

– У вас мальчик. Красавчик. Здоровенький.

– Тыщу плати! – хохотнул кто-то из очереди. – А лучше пять.

– Опять вымогательство! – побагровел папаша. – Что у вас за организация? Сплошная коррупция!

Леночка фыркнула и молча сунула ребенка Копейкину.

Женский голос из толпы укорил:

– Зря ты. Вековая традиция.

– Я по контракту уже все оплатил, – отрезал папаша.

– Дай хоть консультанту соточку, – снова высказалась та

же дама.

– Ему не денег, а в шею надо! Гадостей мне наговорил! – окончательно взъярился Копейкин.

Савва подкатил к сердобольной женщине:

– Давайте вас проконсультирую. По поводу имени для ребеночка.

Женщина взглянула весело:

– А чего голос такой загробный?

Врать не стал:

– Неприятно к людям приставать.

– Так и не приставай!

– Деньги нужны.

Она авторитетно отрезала:

– Таким образом точно не заработаешь. По профессии кто?

– Историк. Специализация по Древней Руси.

Женщина хихикнула – обычная реакция обывателя – и спросила (в тысячный, наверное, раз у него интересовались):

– На хрена тебе это нужно?

Раньше он пытался рассказывать – про строгую красоту «Слова о законе и благодати» и сейчас почти детективный сюжет «Повести о Петре и Февронии Муромских». Но взглянул в глуповатые ярко-синие глаза женщины и промолчал.

Та посмотрела оценивающе:

– Интеллигент, значит. Костюмчик тебе, кстати, идет. А звать как?

– Савва.

Она развеселилась:

– Как ты сказал? Саван? Себе-то что такое имя дурацкое выбрал?

– Это родители выбирали. И оно не дурацкое. Означает старец или мудрец.

– Да, Савушка, с тобой не соскучишься. Хочешь, на работу к себе возьму? Двести косых в месяц.

– А что делать?

– Вечность продавать.

– Не понял...

– Бизнес, конечно, грязный. И морально непросто. Но чтобы в штат попасть, люди по пять лет ждут. А тебя возьму вне конкурса. У нас чокнутых много. Вдруг тоже приживешься.

* * *

Когда муж больше года в параличе, уже не так и страшно, что помирает. А те, кто осуждают за жестокосердие, пусть попробуют сами денно и нощно, без помощников, тягать, переворачивать, подмывать, кормить через трубочку, впихивать таблетки и с ангельским ликом сносить вечно дурное расположение духа.

Супруг, честно сказать, и в здоровом состоянии был тот еще подарочек. Но семью кормил, подарки дарил, руку не

поднимал, потому Марьяна терпела. И даже когда парали-
тиком стал, в благодарность за все хорошее старалась не ти-
ранить. Почти. Но уж после того, как призвали, наконец,
страдальца на вечный покой, перед собой лицемерить не ста-
ла. Закрыла покойному глаза – руки не дрожали. Передела
кофту – ту, что муж в агонии обслюнявил, сначала отнесла в
стиралку, но потом передумала и швырнула в мусор. Подо-
шла к зеркалу, легонько подкрасила глаза, положила на гу-
бы сдержанный блеск. Хватанула рюмочку за помин ново-
преставленной души и без всякой дрожи в голосе пошла зво-
нить, сообщать экстренным службам о прискорбном собы-
тии. Ритуальщиков беспокоить не стала – говорят, стервят-
ники на свежий труп сами слетаются. И хорошо. Пусть по-
больше понаедет – последних распоряжений супруг, в пара-
литической скуке, наоставлял немало.

Как и предупреждали знающие люди, первый похоронный
агент явился через пятнадцать минут – задолго до «Скорой».
Толстый, шумный, настойчивый дядька сразу начал совать
под нос эксклюзивный договор, полный цикл услуг навязы-
вать.

Марьяна охлонила:

– А вы мобильную связь в гроб предоставляете?

– Чего?

– Муж велел: чтобы обязательно встроенные динамики.
Телефон с усиленной батареей. На двести часов, и заряд
должна держать минимум год.

Бодряк хмыкнул:

– А на фига? Раз умер дома, значит, всяко вскрытие будет, там точно добьют. Не останется у него технической возможности позвонить.

– На фига – это не вам, а мне решать, – отрезала Марьяна. – И раз не можете оказать услугу, нечего тогда про полный цикл трепаться.

Но толстяка не прогнала – пусть остается, конкуренцию создает.

Очень быстро подтянулись и другие – мадам в черном бархатном пиджаке с алой гвоздикой в петлице, трепетный, тонкокостный дядечка с лицом школьного учителя, гламурный молодой человек с наглым взором и помадой на губах куда ярче, чем у нее. Марьяна всех приветила, отвела в мужской кабинет, велела вести себя тихо, ждать. Сама пока что встретила докторов, полицию, провела к смертному одру. Отвечала машинально на вопросы представителей власти и ломала голову: черное платье с длиной чуть выше колена – это траур или уже легкомыслие?

Ей всего пятьдесят четыре, она заслужила право немного побыть *веселой вдовой*. Как воздаяние за годы скучной семейной жизни, ангельского терпения и аскезы.

Когда спроварила докторов, полицейских и тело супруга (санитары выторговали тысячу рублей за дезодорацию и десять тысяч за макияж), отправилась в кабинет. Лица у агентов красные, вид взбудораженный – явно все это время ру-

гались. Но драки вроде не устроили, мебель цела.

Но хотя друг другу конкуренты, цены снижать отказались тоже дружно. Да еще причитают: мол, нельзя, чтобы транспорт у одних, а ресторан – у вторых. Горланят в три глотки, каждый своим эксклюзивным договором размахивает. Только тихоня в костюмчике в общей склоке не участвует.

– Тогда конкурс устрою. – Решила Марьяна. – У кого из вас оркестр есть?

– У меня имеется! Духовой! – радостно отозвался толстяк.

– Боже! Какое дурновкусие! – закатил глаза рафинированный.

– Зачем вам этот пережиток прошлого? – укорила дама в бархатном пиджаке. – Похоронная музыка несовместима с православным отпеванием!

– Мне не духовой нужен, а чтобы скрипки, – вспомнила Марьяна. – Супруг какой-то «Эйр» хотел. Это Бах, что ли. Или Бетховен. Точно не помню.

Похоронщики примолкли, в недоумении уставились друг на друга. В наступившей тишине из дальнего угла гостиной донеслось:

– Бах. «Эйр», она же Сюита номер три. Исполняет струнный оркестр. Скрипки, альты, виолончели, контрабас. Лучше шестнадцать человек, но шестерых вполне хватит. Можно студентов консерватории позвать. И стараться будут, и возьмут недорого.

– А этого, как его... Альбинони, – вспомнила Марьяна

еще одну мужнину волю, – смогут?

– Для Альбинони, конечно, идеален орган. Но есть прекрасные вариации, когда главную партию исполняет солистка. Или гобоист. – Без запинки оттарабанил культурный.

Прочие поглядели в его сторону с ненавистью.

– Цена вопроса? – спросила Марьяна.

– Студенты вечно голодные, – сдержанно, сообразно скорбному поводу, улыбнулся скромник. – Тысяч за пятнадцать сговоримся.

– А гроб с окошечком у тебя имеется в прайсе? – вспомнила еще одно пожелание супруга Марьяна.

– Откуда у него?! – Взорвалась дама в бархате. – Он из частной лавочки! Только ящики небось деревянные! А у нас – ассортимент. Связи! Государственная структура!

– И вообще, не видно, что ли: лопух! С таким тело будете с утра до обеда ждать! На кладбище уже к ночи приедете! – подхватил багровый толстяк.

Но Марьяна только усмехнулась:

– Баста, карапузики. Пусть лопух, зато стараться для меня будет.

Худосочные и неприспособленные к жизни не совсем в ее вкусе. Но после мужниных отекавших, вялых пальцев на артистичные кисти похоронного агента она смотрела почти с вождением.

В нищете супруг не оставил, и торговаться за каждую рюшечку на гробе Марьяна не собиралась. Но культурный (нет бы пользоваться моментом и впаривать самое дорогое из прайса) со смущением в голосе предложил:

– Мой служебный долг – развести вас на максимум, но я хотел предупредить: цены в прејскуранте завышены минимум втрое. Не связывайтесь с ритуальным агентством. Все услуги возможно заказать самостоятельно. Автобус напрямую в транспортной компании, гроб – у производителя.

Марьяна взглянула внимательно:

– Твой-то интерес в чем? Хочешь от своего агентства слевачить? За комиссионные от гробопроизводителей?

– Нет, нет! – возмутился тот. – Я ничего ни от кого не получаю. Просто перед вами неудобно. Такое горе, мужа только что потеряли. А тут мы – на вашей беде наживаться.

– Тебе что до моей беды?

– Ну... вы такая красивая и беззащитная женщина, – смутился интеллигент, – не могу я на вас бизнес делать. Хоть и обязан.

– Да, – фыркнула она снисходительно, – ты бизнес вряд ли сделаешь. Кто тебя в агенты-то взял?

– Первый заказ. Испытательный срок.

Марьяна вырвала из его рук многостраничный прайс-

лист, быстренько пролистая, наморщила нос:

– Хм. «Рытье могилы класса люкс, двадцать семь тысяч рублей» – это, конечно, сильно.

– Вот и я говорю, – подхватил он, – яму вырыть – это максимум тысяч пять. Требовать двадцать семь – подлый расчет на то, что вы от горя ничего соображать не будете.

– Не волнуйся. Я способность соображать не утратила, – заверила Марьяна. – Но по производителям бегать и копейки выгадывать у меня времени нет. Так что доставай договор, или что там у тебя, будем выбирать. Давай начнем с гроба. Муж хотел, чтоб обязательно красного дерева и ручки бронзовые. Такой в прейскуранте имеется?

* * *

Набрала в итоге всякого-разного по классу люкс на две странички.

Костюмчик – от масштабности заказа он выглядел совсем растерянным – подвел итог:

– Два миллиона восемьсот тридцать две тысячи. И... это ресторан еще пока не включен.

– Ясный перец, помины на сто персон где-то во столько же встанут! – хохотнула Марьяна.

– Я вынужден просить у вас авансом. – Закраснелся скромник. – Всю сумму.

– Ща.

Муж свою будущую кончину обсуждал со странным, мазохистским удовольствием, и уже давно велел Марьяне: заpastись наличными загодя, ибо оплату по карте похоронные агенты вряд ли примут, а бегать по банкам, когда в доме смерть, не с руки. Сумма, что казалась новичку огромной, вдову совсем не смутила: всего-то три пачки по сто тысяч в каждой. Можно, для ровного счета, ещё пару венков заказать. Но принести деньги не успела. Шла мимо своего будущего – и встала. Это что ж за дела?!

Марьяна прекрасно помнила: сразу после кончины мужа, еще до того, как в доме явился первый похоронный агент, она святилище свое заперла и ключ бросила в карман домашних, черно-траурных, брючек. А сейчас – дверь открыта. И замок, похоже, взломан – через него идет огромная, кривая царапина. Кто посмел? В квартире, конечно, много постороннего народа побывало – «Скорая», полицейские, санитары. Но она, хотя старательно изображала вдову в прострации, бдила зорко: чтоб из гостиной, где мертвое тело, никто не выходил. И в коридор (дверь туда оставалась открытой) постоянно поглядывала. Никого там не было, агенты скланивались в мужнином кабинете и оттуда не высывались. Или она пропустила?

Ладно. Она вошла в спальню, отодвинула картину с Венерой Милосской, осмотрела сейф. Вроде заперт и цел. Достала ключ. Замок, заботливо смазанный ещё мужем, приятно щелкнул – и Марьяна в изумлении застыла перед открытой

дверцей. В сейфе оказалось пусто. Ни денег, ни украшений золотых.

Вот, значит, как! Она вернулась к агенту-интеллигенту, сухо спросила:

– Тебя как зовут?

– Савва. Савва Сторожевский.

– Скажи мне, Савва, вы когда в кабинете отношения выясняли, из него кто-то выходил?

Пауза. Он смутился.

– Ну? – нахмурилась Марьяна.

– Д-дама. Дама в костюме.

– Куда ходила?

– Сказала, что э-э... поправить прическу.

Мужчина встретил ее пронизывающий взгляд и поспешно добавил:

– Только я думаю, что она ходила не в туалет.

– Почему?

– Когда спор из-за клиента... из-за вас... начался... остальные двое от души за заказ боролись. А эта, хотя вроде и орала громче всех, заключать с вами договор не собиралась. Вообще.

Савва замолчал. Взглянул испуганно, исподлбья.

– С чего взял? Давай, не тяни! – поторопила Марьяна.

– Ну... мне сразу показалось, по всему поведению: она с другим резонем в вашу квартиру явилась. К двери несколько раз подходила, приоткрывала и в коридор выглядывала. А

когда шум начался, — потупился он, — я так понял, в момент, когда тело вашего супруга покойного выносили, пробормотала про туалет и шныркнула прочь из комнаты.

— Вон почему я ее не видела! — в азарте вскричала Марьяна. — Сама тогда в подъезд выходила: санитаров до лифта проводить, супруга на прощанье облобызать. Она, видать, и проскочила!

— А что случилось?

Вдова в удивлении отметила: интеллигентская растерянность с похоронного агента разом слетела, лицо увлеченное, почти решительное.

— Деньги из сейфа пропали. Пять миллионов. И вся ювелирка.

— Та-ак. — Протянул он нараспев, будто заправский следователь. — Замок сломан?

— То-то и странно, что нет. Я ключом отперла. А вот дверь в комнату мою, похоже, вскрыли отмычкой или еще чем. Я в этом не разбираюсь.

— Позвольте взглянуть?

— Смотри.

Она пожала плечами, повела за собой. От великолепия ее будуара — с золотой лепниной на потолке, антикварной двуспальной кроватью на витиеватых ножках и искрящейся хрусталем люстрой — скромник Савва аж зажмурился, но быстро взял себя в руки. Осмотрев входную дверь, он констатировал:

– Замочек здесь символический. И отмычка, насколько понимаю, простейшая.

– Спасибо, утешил! – огрызнулась Марьяна.

– Но даже самый несложный сейф открыть гораздо сложнее.

Он подошел деловитой походкой, оглядел и уверенно заявил:

– Следов взлома нет. Здесь точно не отмычка. Использовали родной ключ. Ну, или его дубликат. Вы ничего не теряли?

– Ну, мой – всегда при мне. – Продемонстрировала Марьяна.

– А дубликат? – взглянул он испытующе.

Вдова поморщилась:

– А про дубликат, мой милый Савва, я наверняка утверждать не могу. Однако могу тебе сообщить, что у мужа имеется дочка от первого брака. Очень ушлая, расчетливая особа. Он, слепец, ее агнцем считал, всячески в наш дом приваживал, хотя я и протестовала.

– Может быть, дама в бархатном пиджаке на нее чем-то похожа? – вкрадчиво спросил Савва.

– Да ни черта она не похожа. Но Люська сама бы и не стала мараться. А вот асоциальную личность на грязную работу нанять – для нее вообще не вопрос. Дама без принципов.

– Если женщина в бархатном пиджаке исполнитель, мы и на заказчика легко выйдем.

– Как?

– У меня имеются четыре фотографии предполагаемой воровки, – похвастался Савва. – Две профиль, две анфас. Сделал тайно. Можно пробить по соответствующим базам.

– Ты, что ли, детектив-любитель? – насмешливо взглянула Марьяна.

– Я историк. А в развитии событий – особенно в нашей стране – немало детективных загадок. Вот и поднаторел. У меня еще вот что есть, – он триумфально извлек из кармана и продемонстрировал целлофановый пакетик на застёжке. – Волос ее. Когда увидел, что странно себя ведет, с пола подобрал. На всякий случай. Как возможный образец ДНК.

– Да, Савва, ты крут! – похвалила вдова.

А дурачок – вместо того чтоб пользоваться моментом, цену себе набивать – беззащитно улыбнулся:

– Я не для крутости, а просто для собственного удовольствия за людьми наблюдаю. Но прежде пригодились только для мелочей всяких. Вычислить, например, где дочка сигареты прячет.

Из-за дочки Марьяна расстроилась, но вида не подавала.

– Полицию вызывать я не буду.

Он опешил:

– Пять миллионов и золото преступникам отдать?!

А вдова снисходительно отозвалась:

– Не такой уж ты и внимательный. Я тебе что сказала? Дочка мужнина – та еще стервь. У меня давно подозрение

имелось, что папаша ей ключ от моего сейфа вручил. Думаешь, я б в такой ситуации деньги там оставила?

– Но вы ж сами сказали! Было пять миллионов!

– Не миллионы, а бумага цветная. Специально заказывала фальшивки в хорошем качестве. А золото – копии и бижутерия. Пойдем со мной. Я тебе настоящий сейф покажу.

– Зачем? – покраснелся он. – Просто принесите деньги, я здесь подожду.

Но вдова жарко облизнула губы:

– Нет уж, Савва. Боюсь я теперь одна – раз в доме вор побывал. Пойдем. Будешь моей защитой.

Из будуара, через коридор, прошли в мужнину спальню. Когда-то очень кобелиная, обшитая дубовыми панелями комната давно превратилась в филиал комфортной больничной палаты. Бархатные портьеры сменили на эргономичные жалюзи, чучела совы, кабана и лисы – охотничьи трофеи супруга – обернули в пленку, массивный диван заменила ортопедическая кровать с пультом управления, кожаное кресло – инвалидная коляска.

Постель еще хранила контуры мужниного тела, терпко пахло нашатырем – когда благоверный начал кончаться, Марьяна честно пыталась привести его в чувство. Савва, явно непривычный к местам, где побывала смерть, заробел совсем уж очевидно – смех, а не похоронный агент. Чтоб разогнать торжественную и гнетущую атмосферу, вдова плюхнулась в инвалидное кресло, щелкнула кнопкой пульта, вруби-

ла While my guitar gently weeps, объяснив:

– «Битлов» муженек любил.

– Встаньте, пожалуйста! – взмолился Савва.

– Почему?

– Плохая примета!

Она отмахнулась. Ловко подцепила ноготком панель, что покрывала подлокотник, объяснила:

– Ключ там лежит. Тот еще Гобсек был. Уже еле дышал, а богатства свои каждый день проверял. Поглядит на них – и будто сил прибавляется.

– Он же вроде парализованный был?

– Минимальная подвижность сохранялась. Руку мог приподнять, и два пальца работали, – поморщилась Марьяна. – Ими ключ и держал. А отпирала я, конечно.

Она всунула ладонь в узкое пространство, заворчала:

– Черт! Опять, видно, за обшивку завалился. Знаешь, какой однажды скандал устроил? И воровка я, и ограбила его. А ключик маленький, плоский, просто в щелку юркнул.

Марьяна продолжала безуспешно искать, Савва все больше хмурился. Наконец женщина с растерянным видом вытащила из полости руку и прошептала:

– Нету. Но как? Кто мог?

– Ваш муж, возможно, *перепрятал*?

– Э...

– Чисто физически у него такая возможность имелась?

– Ну... он своими крюками ключ всегда доставал... Но

только ведь два пальца, и то с ограниченной подвижностью. Часто ронял, злился. Как спрятать-то мог?!

– Он оставался один в комнате?

Марьяна отозвалась со злобой:

– Когда он там оставался! Вертелась с ним круглые сутки! Ни на шаг от себя не отпускал. Если не дрых, даже в туалете меня контролировал!

– Но вы же иногда спали?

– Здесь. При нем. – Она злобно пнула евrorаскладушку, что стояла подле постели. – От каждого кашля вскакивала, то одно ему подай, то другое!

– В какой-то промежуток времени вы, от усталости, могли заснуть крепко, – возразил Савва.

– На хрена ему от меня ключ прятать?! В чем смысл? Есть свидетельство о браке, завещание. Я все равно его наследница, основная. Дочке он только дом на Кипре отписал.

– Значит, тогда ключ не нужен. Можно просто вызвать специалиста и сейф вскрыть.

– Нет. Нельзя! – взвизгнула она.

– Почему?

– Да потому что! В завещании про сейф ни слова. Так я забрала – и все мое, шито-крыто. А эти слесари небось будут акт составлять и содержимое описывать. А по закону – дочка тоже наследница. С ней, что ли, делить?

Савва поглядел на нее брезгливо, и Марьяна совсем уж разозлилась:

– Думаешь, не заслужила? Легко мне было? Больше года бревном лежал! Ни поссать, ни посрать, ни перевернуться сам не мог!

– Можно, я осмотрю кресло? – кротко попросил Савва.

– Нет там ничего, – в отчаянии выкрикнула она. – Я все обшарила!

– Вы на взводе. После стресса, – сказал он участливо. – Позвольте я взгляну сам?

Савва присел на корточки, ощупал своими музыкальными пальцами подлокотник, достал телефон, включил фонарик, внимательно оглядел полость и вдруг попросил:

– Пилочка есть для ногтей? Ну, или ножик маленький?

– Нашли? – просияла Марьяна.

– Тут какой-то конверт. Приклеен на скотч.

– Да ладно! Где?

Она подскочила и аккуратничать не стала – схватила, рванула. Вытащила фотографию и охнула.

Савва бесцеремонно разглядывал снимок из-за ее спины. В расслабленном тропическом интерьере, на фоне океана и пальм, двое. Марьяна в облегающем платье и худощавый, черноволосый латинос в льняном белом пиджаке. Стоят рядышком, позируют.

– Кто это? – потребовал он ответа.

– Рауль, – прошептала Марьяна. – Саксофонист. С круизного лайнера... Муж... считал, что у нас с ним что-то было. Хотя мы оба просто любили танго. Познакомились на капи-

танском вечере... танцевали несколько раз. Потом здоровались, конечно. Несколько раз ужинали за одним столом. Супруг всегда присутствовал. Он и сфотографировал нас!

– А круиз долгий был? – невинным тоном поинтересовался похоронный агент.

– Две... две недели.

Она неожиданно разрыдалась. Савва не утешал. Подошел к окну. Осмотрел массивный дубовый шкаф. Заглянул в прилегающий к комнате туалет.

Марьяна, продолжая всхлипывать, в мелкие клочки разорвала фотографию, выкрикнула истерически:

– Скотина! Как он достал меня ревностью своей! Даже сейчас, уже дохлый, – и все равно напомнить надо, подгадить! Сука. Я вспомнила. Дня три назад жарко ему, видите ли, стало. Кондиционер, майка легкая – все не то. Потребовал окно открыть на полную, подкатился и дышал. А меня на кухню погнал за водой со льдом. Видно, и выкинул ключ в тот момент. Теперь все, не найдешь.

Савва нахмурился, нерешительно спросил:

– А ваш покойный супруг вообще склонен был к спонтанным поступкам?

– К спонтанным? – нервно выкрикнула она. – Издеваешься? У него все по полкам, органайзеры, планы.

– А во время своего недуга... он сохранял рациональность?

– Крыша у него, конечно, ехала, insult-то обширный.

Но счета, скупердяй, по-прежнему проверял. Слюнями все зальет и блеет: «Как может пачка влажных салфеток стоять пятьсот рублей?»

– А она может? – простодушно спросил Савва.

– В «Азбуке вкуса» и за тысячу бывает! – запальчиво отозвалась Марьяна.

Но почему-то покраснела.

– Что вообще в сейфе? – перевел разговор похоронный агент.

– Его коллекция – он эксклюзивные охотничьи ножи собирал. Очень дорогая. Ну, и денег сколько-то. Миллионов пятнадцать, наверно.

– В завещание это не включено?

– Нет. Нотариусу я уже звонила – еще до того, как вы все явились. Последнюю волю муж не менял, распоряжения только про недвижимость. Про сейф – ни слова.

– Тогда зачем ему выкидывать на улицу ключ? – задумчиво спросил Савва.

– Мне досадить! Чтоб не наслаждалась, когда он сдохнет, а за деньги билась! Я-то с ним пусь-пусь, вась-вась, хотя могла б на сиделку скинуть, но такая сволочь разве будет благодарной? Обязательно хоть раз в неделю да скажет: «Что, ждешь не дождешься, когда я помру?» Или требовал еду его пробовать. Боялся, что отравлю.

– Он засек вас с Раулем?

– Ничего он не видел! – отозвалась она запальчиво. За-

пунцовелась, но твердо повторила: – Обычный корабельный флирт. Муженек тоже официанток щупал дай бог.

И вдруг напустилась на Савву:

– Что вы-то тут все разглядываете, щупаете?

– Мне кажется, – задумчиво произнес похоронный агент, – никуда ваш муж ключ не выкидывал. И в другое место в квартире перепрятать не мог. Даже если вы крепко заснули, коляска инвалидная в дверной проем все равно не пройдет.

– Да, точно...

– Значит, ключ здесь. В этой комнате.

– Но зачем ему надо это? – всплеснула руками Марьяна.

Савва взглянул внимательно:

– Он сколько, вы сказали, парализован был?

– Почти четырнадцать месяцев, но при чем здесь это?

– Вы наверняка устали за ним ухаживать. Покрикивали.

Может быть, зло срывали.

– Ну... я старалась, конечно, себя в руках держать. Но иногда нервы сдавали. Это правда.

– А раньше – когда супруг был здоров – не имелось у вас привычки посмеиваться над ним?

– Да это он, наоборот, вечно до меня докапывался! Типа, сам элита, а я так, дворняжка. И книжки не те читаю, и фильмы неправильные смотрю. Не так одеваюсь, не так крашусь. Все не так!

Савва кивнул и снова зашагал по комнате. Он не спешил,

останавливался, морщил задумчиво лоб. Марьяна больше не препятствовала – ждала, смотрела с надеждой.

На подоконнике похоронный агент обнаружил упаковку одноразовых перчаток и спросил:

– Это зачем?

– Мне ему задницу, что ли, голыми руками было вытирать?

Под кипой перчаток пестрел корешок книжной обложки. Савва заинтересовался:

– Чье?

– Мое. – Марьяна смутилась.

– Я взгляну?

– Ну, это я так, чисто время убить.

На обложке мускулистый красавец и скромная юница. Похоронный агент раскрыл любовный роман на середине, с выражением зачитал:

– «Его чувственные губы, квадратная челюсть, сумасшедшие кубики бицепсов, трицепсов и остальных мужских мышц просто сводили ее с ума».

Он не удержался и хихикнул. Марьяна зло сказала:

– И он тоже... Издевался.

– Вам не очень дорога эта книга? Позвольте ее потреть? – попросил Савва.

– Да хоть в окно кидайте. – Фыркнула она и добавила со значением: – При нем-то да – только читать. А теперь – другие возможности имеются. В реале. Более интересные.

Савва ее реплику оставил без внимания. Перетряхнул книгу, заглянул под корешок, слегка надорвал обложку. Никакого тайника не обнаружил, но задора не утратил. Пророботал:

– Он, значит, себя элитой считал... Мужчина. Кормилец. А оказался полностью в вашей власти. Думаю, это тяжело.

– Лучше спросите, каково мне было!

Он отозвался с сочувствием:

– Догадываюсь. Марьяна, скажите: что самое неприятное, когда за лежачим ухаживаешь?

– Подгузник менять. – Поморщилась она.

– А где вы хранили их?

– Тут, в ящике. – Женщина показала на выдвижную часть книжного шкафа.

Мебель дорогая, темного дерева. Савва, словно между делом, спросил:

– Что раньше тут держали?

– Ну, это мужнин был. Всякая мелочь. Карты игральные. Нарды. Биноколь.

– Понятно.

Он сел в инвалидное кресло, легко разобрался с управлением, подкатил к шкафу и спросил:

– Технически ваш муж мог его выдвинуть?

– Думаю, да.

– Давайте вместе осмотрим, – позвал он.

Выдвинули ящик, тщательно перебрали все оставшиеся

подгузники, заглянули в проемы и щели. Пусто.

– Все равно что на дне морском искать, – в отчаянии вздохнула Марьяна.

– Не скажите. Он не спрятать хотел, а какое-то послание вам оставить. Символическое. Мы просто пока не можем понять, какое.

– Естественно, вы не понимаете, – сказала она язвительно, – он, конечно, после инсульта с придурью стал, но не настолько тупой, чтобы ключ от сейфа в подгузники пихать.

– Хорошо, – легко согласился Савва. – О чем ваш муж больше всего переживал, когда оказался заперт в комнате?

– Что путешествовать больше не может, – вздохнула Марьяна. – Все мечтал: хоть куда-то, хоть как. Думали за границу выбраться, в безбарьерную среду, но тут ковид, как назло.

– А когда путешествовали, сувениры из поездок привозили?

– А то! В гостиной, целый шкаф.

– В этой комнате ничего нет?

– Фотки только. Во втором ящике.

Она достала один из альбомов, пролистала, показала пустую страничку.

– Отсюда и взял. Тут мы с Раулем были.

– В ящике только альбомы?

– Господи, да смотри сам! Сыщик, блин, доморощенный. Тычется – то туда, то сюда!

– Могу уйти.

– Куда ты пойдешь – если я даже за гроб заплатить не могу?

Савва осторожно извлек альбомы. Просматривать не стал – разместил кипой на полу и спросил:

– А что за шкатулка здесь?

– Так. Разная дрянь.

– Я открою?

– Да пожалуйста.

Похоронный агент снова уселся в инвалидное кресло, положил на колени древний, чуть ли не девятнадцатого века, ящичек с резной крышкой и извлек из него зеркальные солнечные очки – ветхие, все в царапинах.

Марьяна прокомментировала:

– Это его первые. Импортные. У спекулянтов покупал за какие-то бешеные советские деньги. Еще когда в институте учился.

– Символы эпохи, значит, хранил...

– Чего?

– А это? – Савва взвесил в руках самодельный, потемневший от времени портсигар.

– От деда его рухлядь. Тот, что ли, политзаключенным был, сам сделал в каком-то ГУЛАГе.

Следом Савва извлек тоже старенький, исцарапанный стеклянный шар. Внутри – Эйфелева башня, елочка. Встряхнешь – белые хлопья кружатся, словно снежинки.

Лицо Марьяны разгладилось:

– Это я ему подарила. В первой нашей поездке. В Париж. Давно было, еще при динозаврах, в девяносто восьмом. Мы только поженились, а тут кризис, у мужа все сбережения в ГКО заморозились, бизнес подвис, но я все равно упростила, хоть в двух звездах. Он упрямылся, но поехал. И весело получилось, хотя реально копейки считали. Вина дешевого купим, багет горячий. Пьем – и целуемся. А этот шарик дурацкий он на Монмартре увидел, все разглядывал, переворачивал, снег туда-сюда гонял – так понравилось ему. Но не купил: целых сто франков, дорого казалось. Но я в день отъезда пораньше встала, сгоняла, за свои карманные взяла и уже в самолете ему вручила. Довольный был!

– А этот шарик разбирается? – подобрался Савва.

– Только попробуй! – побагровела Марьяна. – Хватит уже мне тут все ломать!

Но он резко дернул верхнюю часть, снежинки разлетелись по комнате, вдова вскрикнула... А на плиточный пол с громким звоном выпал ключ.

– Боже! Тот самый! От сейфа! – завопила вдова.

* * *

Савва вернулся домой за полночь, но обе его девочки не спали.

Леночка встретила в коридоре, лицо суровое. Металлическим голосом спросила:

– Тебе сразу чемоданчик собрать? Или попробуешь оправдаться?

– Не в чем мне оправдываться. Был на работе. Сложный клиент. Только что закончили.

Она подошла поближе, повела носом, скривилась:

– Антонио Бандерас! Electric seduction! Muskus и пачули. Боже, какая пошлость!

– Я бы на твоём месте радовался. Не самый плохой запах, учитывая специфику моей работы.

Лена приблизилась, встала на цыпочки, взяла его за подбородок и зловеще сказала:

– Румяненький. Глаза масляные. Кто там у тебя скончался?

– Муж.

– Ясно. Клиентка, значит, вдова. Как в анекдоте: время проводил медленно и печально?

– Фу, Лена!

Дочка тоже выскочила в коридор, увидела отца в костюме, при черном галстуке, и начала ржать:

– Ой, пап, ты самый элегантный в мире похоронный агент. И лицо у тебя впервые – как у успешного человека.

Она покосилась на мать и злорадно добавила:

– Зря ты его тиранишь. Он сам от тебя уйдет. Злыдня.

– Что вы опять не поделили? – вздохнул Савва.

– По химии двойку принесла, – умирающим голосом доложила жена. – И еще смеет пять тысяч у меня кланчить!

– Зачем тебе деньги? – обернулся он к дочери.

– На кофточку! Со стразиками!

Савва достал из внутреннего кармана внушительную пачку – всю сдачу, почти сто восемьдесят тысяч, что счастливая вдова вручила ему «на чай».

– Ох, ничего себе! – Суровое Леночкино лицо мигом разгладилось.

Он протянул две купюры Валюшке:

– На. Наряжайся.

Еще десять тысяч взял себе:

– На книги.

Остальное отдал жене:

– Держи. Как ты там говорила: всех нас кормишь, а мы за твой счет живем?

– Савва, – Леночка глядела со страхом, – что ты, правда, сделал с этой вдовой?

Он сдержанно улыбнулся:

– Да ничего особенного. Просто примирил ее с вечностью.

Татьяна Бочарова

Дело о пропавших ампулах

1

- У меня Гарри Поттер!
- А у меня Рон!!
- Дамблдор!
- Очки! У меня очки!
- Уйди, я первая сказала!
- Нет, я!!

Большое и дружное семейство Кравцовых играло в «Доббль». Кто хоть раз играл в эту игру, знает, как она затягивает. И знает, что возраст тут никакой роли не играет: ребенок вполне способен обыграть взрослого. Так было и сейчас: бесспорным лидером в игре выходил девятилетний Гришаня. Его цепкий взгляд безошибочно выхватывал с карточки изображение героев книги «Гарри Поттер», которой была посвящена серия. Безусловно, это несколько раздражало его старших братьев и сестер.

Всего детей в семействе Кравцовых было пятеро. Мать, Наталья Ивановна, сидела тут же в гостиной на диване с вязанием и с умилением взидала на отпрысков. Сама она ни-

когда участия в подобных играх не принимала, потому как заведомо знала: молодежь ей никогда не победить.

– Как же бесит меня этот мелкий! – Самая старшая, Алка, проиграв Гришане в очередной раз, сгребла карточки и небрежно бросила на стол.

Алке недавно исполнилось пятнадцать, и она была красавицей. Не просто красавицей, звездой. Есть простой секрет, как обычная девочка становится примой класса. Для этого нужно, чтобы в нее влюбились сразу два мальчика. Два одновременно. В Алку влюбились сразу трое! Они одновременно пригласили ее в кино, танцевали с ней на новогоднем огоньке и поочередно проводили домой, донеся ее рюкзачок до самой двери парадного. И все. Наутро Алка проснулась примой. В нее был влюблен весь класс.

Жизнь примы нелегка. Это только с первого взгляда может показаться, что она счастлива и купается во всеобщем обожании. Но не тут-то было. Новое положение диктует и новые обязанности. Нельзя забывать о своем высоком статусе. Алка за неделю научилась говорить высокомерным тоном, презрительно морщить хорошенький, слегка вздернутый носик, так же презрительно кривить пухлые губки и капризно растягивать слова. Делала она это не только в школе, но и дома, с братьями и сестрой. Но если в классе новые манеры Алки были встречены с восторженным придыханием – мол, конечно, звезда, что с нее возьмешь, – то в семье все эти ужимки вызывали лишь насмешки. Вот и сейчас Гриша-

ня не проявил к сестре никакого уважения, а вместо этого оскорбительно ухмыльнулся и показал ей язык.

– Тормоз! Тормоз! Алка тормоз!

– Вот я тебя! – Алка замахнулась, чтобы дать ему затрепину, но Гришаня ловко увернулся и нырнул под стол. Там он пощекотал пятку средней сестры Иры. Та громко взвизгнула. Большой овальный стол, за которым шла игра, покачнулся.

– Тише, дети, – спокойно проговорила Наталья Иванова. – Не надо ссориться.

– Кто ссорится, мам? – миролюбиво произнес Николай, бывший старшим из братьев. – Мы же просто так, прикалываемся. Кстати, где папа? Он говорил, что вернется сегодня пораньше, а уже десять почти.

– Папа писал мне полчаса назад. У них в больнице какое-то ЧП. Он задержится.

– Какое ЧП? – спросила Ира, параллельно бросая быстрые штрихи карандашом на листке бумаги.

Ира мечтала стать художницей. Она все время рисовала. Как только ей под руку попадался мало-мальски чистый лист, пальцы ее сами тянулись к карандашу и начинали выводить четкие и уверенные линии. В детской все стены были увешаны Ириными рисунками. Особенно она любила рисовать весну. Солнце, деревья, одетые листвой, радостных детишек в песочнице, румяных мамочек на скамейке.

– Какое ЧП? – повторила Ира и, на секунду оторвавшись

от рисунка, взглянула на мать.

Та пожала плечами.

– Не знаю, доченька. Думаю, папа со всем разберется и скоро придет.

В это время в двери заскрежетал ключ.

– Ура! Папа! – завопил Гришаня и, вынырнув из-под стола, бросился в прихожую.

Сергей Павлович Кравцов стоял у порога и расстегивал пальто. Лицо его было усталым и хмурым. Навстречу ему высыпало все семейство.

– Что случилось, Сережа? – Наталья Ивановна взяла из рук мужа портфель.

– Потом, Наташа. Не сейчас. Я голоден, как волк. Не обедал сегодня. Есть у нас что покушать?

– Конечно, есть! Твои любимые голубцы. И свекольный салатик. Ал, быстренько, разогрей папе ужин.

Алка по привычке надула было губки, но тут же опомнилась и послушно пошла в кухню. Отца все дети слушались беспрекословно и уважали безгранично. Он был главврачом детской больницы. Надо ли говорить, какая это ответственность и нервотрепка. Тем более больница была не простая, в ней целое отделение было отведено для детей из детдомов. Сергей Павлович лично курировал это отделение, стараясь создать для сирот самые лучшие условия, какие только возможны. Он даже приглашал туда артистов, аниматоров, устраивал детям праздники, выбивал гуманитарную помощь

и так далее.

Сергей Павлович отправился в душ. Алка хлопотала на кухне, Ира с Николаем и другим братом, Артемом, спешно убирали со стола игру и ставили на него приборы для ужина. Наталья Ивановна степенно прохаживалась из гостиной в кухню, следя за тем, чтобы все было в полном порядке. Через пятнадцать минут семья в полном сборе сидела за столом. Дети и Наталья Ивановна поужинали раньше и теперь просто пили чай, чтобы побыть с отцом. Сергей Павлович молча съел салат и голубцы и пододвинул к себе чашку с чаем.

– В общем, плохо дело, – негромко проговорил он, оглядев притихших домочадцев. – Помните, я вам говорил о лекарстве, которое достали нам спонсоры? Новейшее, импортное лекарство, одна ампула стоит почти сотню тысяч. Оно буквально творит чудеса. Помните?

– Конечно помним, па, – сказал Артем. – Это лекарство для больных почками, верно?

Артем, которому было двенадцать, давно решил идти по стопам отца и стать врачом. Поэтому он с жадностью впитывал все рассказы Сергея Павловича о своей работе, знал кучу диагнозов, названий лекарств и вообще всяческих медицинских нюансов и подробностей. Кравцов-старший кивнул и тяжело вздохнул.

– Да, Тема, ты прав, это лекарство для почечных пациентов. Оно предназначалось конкретно для детдомовцев – среди них, к сожалению, много ребятишек с больными почками.

ми. Тяжелое детство на улице, скверная одежда, постоянные простуды. Вот вам и больные почки. Да... – Он отхлебнул чай и закончил убитым голосом: – Так вот, дорогие мои, сегодня обнаружилось, что лекарство пропало. Целая коробка с ампулами.

– Как пропало? – ахнула Наталья Ивановна.

– Так. Исчезло из запертого шкафа в кабинете старшей медсестры. Пришлось вызывать полицию. Допросили все отделение, всех сотрудников. Даже отпечатки пальцев сняли. Пока безрезультатно.

– Какой кошмар, – пробормотала Наталья Ивановна.

– Пап, послушай, – вмешался в разговор Николай. – Вот ты говоришь, полиция. А кого они подозревают? У них есть версии?

– Версии! – насмешливо передразнила брата Алка. – Тоже мне, сыщик! Начитался своих детективов. Молчал бы лучше.

– Что плохого в чтении детективов, – обиженно надулся Николай.

Он действительно увлекался криминальными романами и проглатывал их запоем. Самой главной его мечтой было распутать какую-нибудь невероятно запутанную историю. Коле иногда даже снились сны про то, как он выходит на след преступника. А эта Алка из всего сделает потеху. Однако Сергей Павлович отнесся к словам сына неожиданно серьезно.

– Версии, говоришь? Версия есть. Все сошлось на новень-

кой медсестре.

– Это которая Настя? – ахнула Наталья Ивановна.

– Да, она. – Сергей Павлович опустил голову и принялся пальцем чертить на скатерти замысловатые фигурки. – Она последняя заходила в кабинет старшей медсестры. Ее пальцы есть на дверях шкафчика. И... она сегодня днем вдруг очень поспешно отпросилась с работы, ссылаясь на неотложные дела.

– Но как же так? – с горечью посетовала Наталья Ивановна. – Ты же говорил, она такая хорошая девочка. И ведь сама бывшая детдомовка. Как она могла своровать лекарство у несчастных сироток?

– Эх, Ната, не сыпь мне соль на рану. Мы с Максимом Ильичом отказываемся в это поверить. Но факты! Факты! Против них не попрешь.

Максим Ильич, которого упомянул Сергей Павлович, был его главным замом и давним другом. Кравцов-старший считал его образцовым хирургом и гордился этой дружбой.

– Так ее арестовали? – не утерпев, полюбопытствовал Николай.

– Кого арестовали? – не понял Сергей Павлович.

– Ну эту вашу, Настю.

– Нет. Пока нет. Я уговорил следователя не предпринимать пока резких шагов. Возможно, Настя, если это она, одумается и вернет коробку. Так же, как и кто-то другой. Мне дали срок неделю. Если за неделю ампулы не отыщутся, то-

гда следствие начнется полным ходом. Что касается Насти, я отстранил ее на время от работы, она будет исполнять функции нянечки в отделении для детдомовцев.

– Бедный ты мой, бедный. – Наталья Ивановна встала и, подойдя к мужу, положила руки ему на плечи. – Ничего. Я уверена, все как-то образуется. Вор найдется, и это будет не Настя.

– Хотелось бы верить, – устало проговорил Сергей Павлович. – Ладно, ребятки, я спать. Завтра вставать ни свет ни заря. Спасибо за ужин и за компанию.

Родители ушли в спальню. Алла и Ира быстро вымыли посуду, мальчишки прибрали в гостиной и вынесли мусор. После этого все собрались в одной из детских, у девочек.

– Что будем делать? – спросил Николай у ребят.

– В каком смысле? – не поняла Алка.

– Ну в том смысле, что надо же как-то помочь отцу! Надо найти ампулы.

– Насмешил. – Алка лениво зевнула и поправила свои золотые локоны. – Как ты их найдешь? Их, небось, уже загнала эта Настя за бешеные бабки. Теперь машину себе купит.

– Если только ее не посадят, – ехидно возразил Николай.

– Да брось. – Алка беспечно махнула рукой. – Никто ее не посадит. Доказательств прямых нет. Подумаешь, отпечатки. Вон сейчас кассирши из банков по несколько десятков миллионов выносят, и то их не сразу находят.

– Да вдруг это вовсе не Настя? – рассердился Коля.

– А кто?

Алка достала из кармана маленькое круглое зеркальце и принялась изучать крошечный прыщик, вскочивший на лбу.

– Мало ли кто? Может, это вообще не персонал.

– Ага. Это пациенты. Сами у себя стибрили лекарство.

Гришане было скучно слушать перебранку сестры и брата. Он подошел к окну и принялся смотреть на улицу. Во

дворе было пусто, горел фонарь. Под большим тополем сидел беспризорный котенок Васька. Гришаня любил Ваську и считал своим другом и питомцем. Периодически он выносил ему сосиски и остатки колбасы. Васька съедал их за долю секунды. Потом благодарно терся о Гришанины колени и мурлыкал. Но больше всего на свете Васька любил лазить на деревья. Залезет на самую верхнюю ветку и кричит как полоумный, потому что слезть не может. Сколько раз ребята из двора снимали его, а этот дурачок все норовит опять запрыгнуть на самый верх. Ну что ты с ним будешь делать! ...

– Слушайте, у меня идея, – вдруг тихо сказала Ира. Она сидела с ногами на кровати и по обыкновению что-то чирикала карандашом в блокноте.

– Какая идея? – оживился Коля.

– Давайте проследим за этой Настей. Если это она, то мы это почувствуем.

– Как ты будешь за ней следить? – недоверчиво проговорила Алка. – Она нас живо заметит. А вдруг она не одна, а у нее есть сообщники? Тогда они вообще нас могут пришить.

– Не пришьют. Мы будем осторожно, – сказала Ира.

– Я согласен! – обрадовался Николай. – Когда начнем?

– Погоди, – остановил его Артем. – Мы эту Настю даже в лицо не знаем. Как мы будем следить за ней?

– Можно найти ее фото в соцсетях, – не сдавался Коля.

– Нет. Мы сделаем иначе. – Ира встала с кровати. – Помните, папа давно говорил нам, что хорошо бы прийти,

навестить детдомовских ребяташек? Ну поиграть с ними, устроить им какой-нибудь импровизированный концерт. Так вот. Давайте скажем ему, что мы готовы. Придем в отделение, там как раз эта Настя. Познакомимся с ней поближе. Уверена, по одному ее виду можно будет понять, виновна она или нет. Как вам такая идея?

– Ну не знаю, – рассеянно проговорила Алка. – Что ты по ней поймешь, если даже полиция ничего конкретного не поняла?

– А мне Иркино предложение нравится, – сказал Артем. – Надо же, действительно, с чего-то начать. Почему бы не с посещения детей?

На самом деле ему не столько нравилась мысль начать расследование, сколько перспектива оказаться в отцовской больнице. Артему было интересно все, что связано с медициной. Он часто просил отца взять его с собой на работу, но тот почти всегда отказывал, мотивируя это тем, что лишние посещения только распространяют инфекцию и отвлекают персонал от дела.

– Короче, кто за Иркино предложение? – спросил Артем и первый поднял руку.

– Я – за! – Коля тоже поднял руку.

Алка глянула на братьев из-под пушистых ресниц.

– Ну ладно, я тоже за. Эй, мелкий! – Она посмотрела на Гришаню, залипшего в окне. – Ты как – с нами или нет?

– А? Что? – Гришаня с трудом оторвался от стекла.

Непослушный Васька снова взбирался на дерево. На ночь глядя! Кто его теперь снимет? Будет всю ночь сидеть на ветке и выть.

– Ты идешь с нами в отделение к детдомовцам? – спросила Гришаню Ира.

– К детдомовцам? А зачем? – Гришаня почесал в затылке.

– Вот чем ты там занимаешься? – рассердился Артем. – Сто раз из-за тебя все повторять?

– Не надо сто. Повтори один. – Гришаня обезоруживающе улыбнулся.

Он прекрасно знал силу своей улыбки. Благодаря ей ему удавалось избежать нагоняев от родителей и учителей. Стоило только этому белокурому, голубоглазому ангелу улыбнуться, как на щеках его возникали две милые ямочки. Просто невозможно было сердиться на их обладателя.

– Ладно. Слушай сюда. – Артем в двух словах повторил брату то, о чем они только что договорились с ребятами.

Гришаня выслушал внимательно, шевеля губами и что-то прикидывая в уме.

– А что мы будем там делать? Ну, я имею в виду, не просто же так мы заявимся в палату к больным детям. Надо как-то их развлечь?

– Разумеется, – с готовностью ответил Артем. – Алка, например, может нарядиться какой-нибудь мультяшной принцессой и раздавать конфеты. Ирка нарисует картинки. Я могу фокусы показать. С картами. Колька... тот расскажет что-

нибудь из области криминалистики.

– А я... я... можно я приведу им Ваську? Он почти дрессированный! Он такое может! – Гришаня с мольбой захлопал ресницами.

– С ума сошел? – отрезала Алка. – Кота в больницу? Как тебе такое на ум пришло?

– Он же не просто кот, – понурился Гришаня. – Он же... я же с ним работаю...

– Нет, Гришаня, – ласково проговорил Артем. – С котом не получится. Лучше выучи какой-нибудь стих.

– Надоели вы со своими стихами! – Глаза Гришани наполнились слезами. – Как сговорились, что в школе, что дома. Не хочу я учить ваши дурацкие стихи! Терпеть их не могу.

– Ну песенку спой, – без заднего умысла подсказала Ира.

– Сама пой! – Гришаня стремительно выбежал из детской, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень обиды.

– Бе-бе-бе, – язвительно пропела ему вслед Алка.

– Будет тебе, – осадил ее Коля. – Он все-таки еще совсем малыш. И он... действительно обожает этого кота.

– Какие мы добренькие, – ехидно заметила Алка, но все же смягчилась. – Ладно. Кто пойдет беседовать с папой?

– Ты и пойдешь, – хором сказали Артем и Ира.

Николай согласно покивал головой.

– Отчего это я? – Алка закатила свои миндалевидные глаза.

– Оттого, что тебя он послушает, – проговорил Артем

вкрадчиво. – Ты старшая. Отец тебя уважает больше других. Он считает, что ты уже совсем взрослая.

Слова брата пролили бальзам на тщеславную Алкину душу. Ей в самом деле ужасно хотелось, чтобы ее считали взрослой. Взрослой, красивой, самостоятельной женщиной.

– Ладно, так и быть. Схожу, – согласилась она. – Как думаете, родичи ведь еще не спят?

– Думаю, нет, – уверенно сказала Ира. – Папа всегда читает перед сном, а мама вяжет. Посмотри, если свет горит в комнате, можешь смело заходить.

– О'кей. – Алка одернула коротенький халатик, пригладила волосы и вышла из детской.

Вернулась она минут через десять. Вид у нее был чрезвычайно самодовольный и гордый.

– Ну как? – с нетерпением набросились на нее ребята.

– Согласился! Но не сразу. Сначала стал говорить, что сейчас неподходящий момент. В больнице, мол, полиция. Персонал сам не свой. Все с ног сбились, и не до нас. Но я ему сказала про мультяшную принцессу. – Глаза Алки заблестели и сузились, как у кошки.

– А он что? – почему-то шепотом спросила Ира.

– А он улыбнулся и сказал, что это отличная идея! И что он прямо видит меня в платье принцессы и с короной в волосах.

– Значит, разрешил! – радостно завопил Коля.

– Ура! – подхватил Артем.

Алка, видя, что ее триумф незаслуженно замят, обиженно надулась.

– Чего ты? – Ира обняла сестру. – Отчего такая грустная?

– Ни от чего. Это вам «ура», а мне еще платье шить. Магазинное оно бешеных денег стоит.

– Ерунда! Я тебе помогу. Мы сошьем его за один вечер.

– Я тоже помогу, – раздался за их спиной голос Натальи Ивановны. Она стояла в дверях детской, накинув поверх ночнушки теплый клетчатый плед. – Какие вы у меня молодцы! Хорошую вещь придумали. А где Гришутка?

– Он у себя. Устал, спит, наверное, – сказала Ира.

– Вам тоже спать пора. Завтра всем в школу. А вечером будем вдвоем шить платье. Папа сказал, что послезавтра ждет вас в отделении. С сюрпризами и подарками. – С этими словами Наталья Ивановна щелкнула выключателем и покинула спальню девочек.

Следующий день прошел в суматохе. Коля и Артем после школы ездили в «Ашан» покупать конфеты, печенье, шоколадки и прочие сладости. Девочки под предводительством Натальи Ивановны самоотверженно трудились над платьем. К вечеру оно было готово: длинное, из голубого атласа, с кружевным воротничком и огромным бантом на поясе. Алка надела его, взглянула в зеркало, и у нее закружилась голова.

– Ах, как хороша! – радостно проговорила Наталья Ивановна. – Настоящая принцесса. Ребятишки будут в восторге. – Она сходила в спальню и принесла свою свадебную бижутерию – диадему, сережки и подвеску. Все это бережно хранилось в деревянной шкатулке и надевалось очень редко. – Вот. – Наталья Ивановна надела украшения на старшую дочь. – Будь самой прекрасной и доброй принцессой, и пусть больные детки запомнят этот день.

– Спасибо, мамуля! – Алка в восторге расцеловала мать.

Ночью никто из ребят не мог уснуть. Артем ворочался с боку на бок, ему казалось, что Коля громко храпит. А Коля, в свою очередь, хоть и действительно похрапывал, но не спал, а лишь дремал. В голове его один за другим зрели великолепные планы слежки за нахальной медсестрой, обворовавшей папину больницу. Он ужасно боялся, что, проснувшись, позабудет все то, что придумал в полудреме, и от этого гром-

ко всхрапывал, чем приводил в отчаяние Артема.

Девочки тоже не спали. Алка мечтала, воображая себя в новом платье на сцене какого-нибудь солидного театра. Ира, светя фонариком в телефоне, спешно дорисовывала какие-то наброски. Один Гришаня дрых без задних ног, и снился ему Васька, уплетающий колбасу прямо на арене цирка. Сам Гришаня в блестящем черном плаще, сапогах и цилиндре стоял рядом и кланялся рукоплещущей публике. Во сне Гришаня счастливо улыбался и тихонько бормотал:

– Кис-кис! Слушайся меня, Вася! Вот, молодец!

Однако, несмотря на бессонную ночь, наутро все были бодры и полны готовности к осуществлению намеченного. Решено было, что ребята придут в больницу после обеда и тихого часа, когда дети отдохнут. Так и сделали. В больничном холле их встретила помощница Сергея Павловича, секретарша Машенька. Она показала ребятам, где оставить верхнюю одежду и переобуться, затем выдала им халаты и шапочки. Всем, кроме Алки, которая сразу же переделалась в свое волшебное платье. Руки все тщательно обработали антисептиком и поднялись на второй этаж, в отделение детдомовцев. Отделение было небольшим, всего четыре палаты. В каждой лежало от трех до пяти детишек разного возраста. Младшей, Катюше, только что исполнилось три, старший, Ваня, был ровесником Гришани. Надо ли говорить, что ребяташки пришли в полный восторг от гостей. Артем, как и обещал, продемонстрировал им целых пять фокусов с кар-

тами. Ира раздавала всем веселые и смешные рисунки. Коля с увлечением рассказывал про Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Но главный фурор, разумеется, произвела принцесса, то есть Алка. Она входила в палаты, кружась, платье переливалось под светом ламп, ослепительно блестела диадема в золотых волосах. В руках у Алки была большая корзинка, и она доставала из нее конфеты и шоколадки, а также мандаринки и киндеры и все это вручала открывшим рты от восторга детям. Маленькая Катюша вскочила с кровати и, подбежав к Алке, уткнулась ей в живот.

– Плинцесса, я тебя люблю. Возьми меня с собой в свою стлану.

Почему-то в этот момент у высокомерной и язвительной Алки странно заблестели глаза. Только один Гришаня никак себя не проявлял. Он так и не выучил ни стих, ни песню. Просто ходил за братьями и сестрами из палаты в палату, смотрел, как они стараются, и тихо завидовал. Эх, если бы рядом был Васька! Они бы с ним без труда затмили эту задаваку Алку. Но Васька был далеко, гонял по двору голубей и даже не ведал, что на него строят столь грандиозные планы...

К шести часам вечера ребята зашли в последнюю палату. В ней лежало всего трое пациентов: две сестры-близняшки, Нина и Марина, и рыжеволосая толстушка Лида. Первой в палату по обыкновению заглянула Алка.

– Ой, а кто это здесь лежит? – спросила она медовым го-

лосом. – А смотрите, что вам принесла принцесса. – Алка тряхнула заметно полегчавшей корзинкой.

Нина и Марина, однако, никак не отреагировали на ее слова, продолжая лежать, безучастно глядя в потолок. Рыжая Лида села на кровати, свесила босые пухлые ноги вниз и произнесла довольно грубо:

– Я тебе не верю. Ты вовсе не принцесса.

– Почему не принцесса? – растерялась Алка.

– Потому. Ты обыкновенная девочка. Просто у тебя красивое платье, и только.

Алка молчала, не зная, что сказать. Артем попробовал прийти ей на помощь.

– А хотите, фокус покажу? Карточный.

– Не хотим, – едва слышно отозвалась одна из близняшек.

– Не хотим, – эхом повторила за ней вторая.

– Может, вам хочется посмотреть картинки? – Ира достала из папки пачку ярких рисунков.

– Ничего нам не надо, – сказала Лида и показала Ире язык. – Уходите отсюда.

– Ай-ай, как нехорошо! Стыдно, Лидуша, – раздался за спинами у ребят звонкий и молодой голос.

Все обернулись. В дверях палаты стояла невысокая худенькая девушка. Ее длинные светлые волосы были аккуратно перехвачены резинкой в хвост. Серые глаза смотрели приветливо и добродушно.

– Будем знакомы. Я Настя. Медсестра, – сказала девушка

и, зайдя в палату, обратилась к девочкам: – Ну, красавицы, не стыдно вам так себя вести? К вам люди пришли, чтобы порадовать вас. Подарки принесли, готовились. Одно платье чего стоит! Ведь его сами шили, не покупали.

– Правда сами? – недоверчиво поинтересовалась Лида.

– Правда, – хором подтвердили Алка и Ира.

– Я тоже умею шить, – тихо, будто с неохотой, проговорила Лида.

– Молодец! – обрадовалась Ира. – А хочешь, я нарисую эскизы одежды для твоих кукол?

– У меня только одна кукла. Ее зовут Растяпа, – тихо проговорила Лида.

– Какое странное имя, – удивилась Алка.

– Не странное. Меня тоже все так зовут. Растяпа.

Алка и Ира молча переглянулись и посмотрели на Настю. Та ободряюще кивнула им и обратилась к девочке:

– Лидочка, пусть девочка нарисует эскизы для Растяпы. Ты поправишься, вернешься в детдом и сошьешь ей много красивых платьев. Согласна?

– Да, – кивнула Лидочка, насупив рыжие бровки.

После этого дело сдвинулась с мертвой точки. Ира рисовала эскизы для Растяпы, Алка доставала из корзинки пряники и шоколадки. Даже Гришаня вдруг оказался при делах – он сидел на стуле рядом с кроватью Нины и захлеб рассказывал ей про Ваську. Нина внимательно слушала, на ее белом, бескровном личике не дрогнул ни один мускул. Лишь

глаза, огромные, карие, смотрели на Гришаню не отрываясь. Настя, видя, что все наладилось, потихоньку вышла из палаты, но чувствовалось, что она где-то рядом. Под конец Лидочка совсем растаяла, попросила, чтобы ее сфоткали на телефон рядом с Алкой, долго трогала платье и диадему.

Ира раздала все свои рисунки. Остался последний – она захватила его прямо из своей комнаты. Картина была в маленькой самодельной рамке. На ней был изображен пруд с кувшинками. На одной из кувшинок сидел Буратино и держал в руках золотой ключик. Рядом из воды выглядывала черепаха Тортилла.

– Как красиво! – вдруг тихо проговорила Марина, до этого все время молчавшая. – Можно ее мне?

– Конечно, можно, – с готовностью согласилась Ира.

– Насовсем? – Девочка посмотрела на нее с надеждой.

– Насовсем. Это подарок. – Ира глянула на стену, возле которой стояла Маринина кровать. На ней, сбоку от постели, висело какое-то унылое полотно в тяжелой гипсовой раме. Темное небо, сплошь в свинцовых тучах, черная чугунная ограда, вдали очертания мрачного замка. Ире вдруг пришла в голову идея.

– А хочешь... хочешь, повесим мой подарок над твоей кроватью? Прямо сейчас? – Она вопросительно взглянула на Марину.

– Очень хочу, – прошептала та, и ее бледные щеки окрасились слабым румянцем.

– Момент! – Ира быстро скинула туфли. – Мальчики, быстренько принесите мне какой-нибудь стул.

– Сейчас. – Коля выдвинул из-под стола табуретку на металлических ножках. – Такое пойдет?

– Вполне.

Ира взобралась на стул и стала аккуратно снимать картину.

В это время в палату заглянул высокий и усатый мужчина в очках.

– Это что еще такое? – строго спросил он, увидев Иру, стоящую на табуретке. – Почему вы тут хозяйничаете? Кто вам разрешил трогать картины? Вы, кажется, пришли сюда проведать больных детей, а не менять обстановку. Немедленно слезь!

– Но я только хотела повесить на это место другую картину. Которая нравится Марине. Эта слишком мрачная для такой маленькой девочки. – Ира с надеждой взглянула на очкастого.

– Я сказал, слезай! – Тот дождался, пока Ира спрыгнет вниз, лично задвинул табуретку обратно под стол и, выразительно поглядев на часы, произнес безапелляционным тоном: – Время посещений заканчивается. Вам пора уходить.

– Еще чуть-чуть, Максим Ильич! – взмолилась рыжая Лида. – Пожалуйста! Нам так весело.

– Весело? – Очкастый взглянул на нее с удивлением. – Ну раз так, то ладно. Еще пять минут.

Он пригладил густые, черные с проседью волосы и вышел из палаты.

– Кто это был? – вполголоса спросила Ира.

– Кто-кто, – ответил Артем. – Папин зам, Максим Ильич.

– Какой неприятный тип, – грустно проговорила Ира. – И что ему далась эта ужасная картина?

– Ты не права, – возразил Артем. – Папа говорит, у Максима Ильича в отделении образцовый порядок. И сам он образцовый врач. Вот он и следит за дисциплиной. Если каждый будет самовольно снимать и вешать что захочет, это что тогда будет? Анархия!

– Эх, Темка, вырастешь, станешь врачом, и получится из тебя вот такой же Максим Ильич, – с обычной язвительностью проговорила Алка.

– Смейся, смейся, – обиделся тот. – Уж у меня в отделении никто не посмеет самоуправствовать. Я всех буду держать вот тут. – Он продемонстрировал окружающим плотно сжатый кулак.

Поглощенные неприятным инцидентом с картиной, ребята не сразу заметили отсутствие Коли. А между тем он вышел из палаты уже минут десять назад и до сих пор не возвращался.

– Эй, – спохватилась Алка. – А где же наш главный сыщик? Куда он делся?

Не успела она произнести эти слова, как в дверь проснулась голова Николая. Он был ужасно взволнован, глаза его

блестели, щеки разгорелись.

– Слушайте, что я вам расскажу! – проговорил он тоном заговорщика.

– Что? – Ребята мгновенно окружили его.

– Не здесь. Выйдем в коридор.

Очутившись в коридоре, Коля несколько раз оглянулся по сторонам и заговорил тихо, но очень отчетливо.

– Значит, так. Вышел я... ну по делам. Туалет в том конце, напротив лестницы. Возвращаюсь и слышу из-за дверей сестринской голос этой самой Насти. Она по телефону говорит. Ну я остановился, прислушался. И знаете, куда она звонила? В справочную по аптекам!

– В справочную? – удивилась Ира. – Зачем?

– Спрашивала, есть у них лекарство, которое украли, и сколько оно стоит! – Коля торжествуя, оглядел сестер и братьев.

– погоди, – не поверил Артем. – Ты хочешь сказать, что...

– Да! Она выясняет цену! Хочет повыгоднее продать ампулы! Это точно она!

– А с виду сама невинность, – хмыкнула Алка.

Только она это произнесла, как из сестринской вышла Настя. Она быстро подошла к ребятам.

– Ну как у вас дела? Вы большие молодцы! Я и не знала, что у Сергея Павловича такие замечательные дети. Это ведь самая сложная палата. – Настя кивнула на прикрытую дверь. – Девочки-близняшки серьезно больны. Они часто ле-

жат по больницам. Их редко кто может обрадовать, удивить. У вас получилось! Ну а Лида, она такая. Сорванец, дерзкая. Но добрая и, главное, талантливая. Воспитательница рассказывала, она правда отлично шьет. У нее мама умерла полгода назад.

Настя замолчала, опустив голову. Ребята тоже молчали, не зная, что ответить.

– Вам пора, – наконец проговорила Настя. – А то заведением ругаться будет. Он у нас строгий.

– Это мы поняли, – с печальной усмешкой проговорила Ира.

– А вы? – неожиданно спросила Настю Алка. – Вы когда заканчиваете работу?

– Да я уже закончила, – улыбнулась та. – Час назад должна была уйти. Да вот задержалась с телефонными звонками.

Коля выразительно округлил глаза.

– Ясно, – как ни в чем не бывало проговорила Алка. – Тогда мы пойдем, пожалуй.

– Конечно, идите, – согласилась Настя. – Обязательно приходите еще. Вы устроили детям настоящий праздник.

Ребята заглянули в палату, попрощались с Ниной, Мариной и Лидой и спустились на первый этаж.

– Что будем делать? – спросила Ира.

– Как что? – удивилась Алка. – Конечно, ждать Настю. Будем за ней следить. Она скоро должна выйти.

Действительно, медсестра не заставила себя долго ждать.

Ребята потусовались в больничном дворе минут десять и увидели ее выходящей из дверей. На Насте была розовая курточка и короткие полусапожки. Через плечо простенькая сумочка. Она зачем-то оглянулась по сторонам и затем легким шагом, почти бегом, направилась к воротам.

– Вперед! – скомандовал было Артем.

– Стоп! Отбой! – тут же замахал руками Коля. Все посмотрели на него недоуменно.

– Разве так делают настоящие сыщики? – Он покрутил пальцем у виска. – Где это вы видели, чтобы преследовать объект такой оравой? Она же нас мгновенно засечет!

– Вообще-то, верно, – подумав, согласилась Ира. – Как же быть?

– Давайте так: мы с Темкой идем следом за Настей. Вы с Алкой идите не прямо за нами, а по другой стороне улицы и с небольшим опозданием. Но так, чтобы видеть нас всех. Идет?

– Идет! – кивнули Ира и Алка.

– А я? – пропищал оскорбленный до глубины души Гришаня.

– А ты беги домой, – с добродушной усмешкой посоветовал ему Коля. – Ты здесь явно лишний.

– Не хочу домой! – обиделся Гришаня.

– Он с нами пойдет, – вступилась за брата добрая Ира.

Она хотела взять Гришаню за руку, но тот неожиданно повернулся и побежал от ребят к КПП.

– Вот негодник, – громким шепотом бросила ему вслед Алка, боясь, что ее услышит шедшая впереди Настя.

– Черт с ним, – махнул рукой Коля. – Некогда. Объект сейчас скроется из вида.

– А вдруг он не найдет дорогу домой и заблудится? – за-
беспокоилась Ира.

– У него телефон есть. Позвонит.

Ребята разделились на пары и, следуя плану, разработанному Колей, двинулись вслед за Настей. Слежка оказалась весьма продуктивной. Выйдя из ворот больницы, Настя не села в автобус, а зашла в первую же попавшуюся аптеку. Вышла она оттуда минут через пять, грустная и задумчивая. Прошла метров десять и свернула в следующую аптеку. Так она сделала раз десять, а то и больше. Ребята больше не таились от нее, она, казалось, ничего не замечала, вся погруженная в свои мысли. В одну из аптек, особенно крупную, Коля зашел вместе с ней. Ему удалось услышать все тот же диалог. Настя интересовалась наличием и ценой пропавшего лекарства. Ей ответили, что лекарство есть и назвали стоимость. Настя выслушала молча, кивнула и поспешила к выходу.

Через сорок минут совсем стемнело. Алке позвонила Наталья Ивановна.

– Вы где? Маша сказала, что проводила вас больше часа назад. Надо уроки делать, и вообще, поздно уже.

– Мы гуляем, ма, – соврала Алка.

– Хватит гулять. Я волнуюсь. И Гришу одного зачем от-

пустили? Его могли украсть! Или, не дай бог, он мог попасть под машину!

– Ма, перестань! Он уже большой. С ним ведь ничего не случилось?

– Ничего. Но больше так не делайте. И я вас жду ужинать.

При слове «ужинать» у Алки заныло в животе. С самого обеда ребята не ели ничего, кроме конфет и шоколадок. А сейчас был уже поздний вечер.

– Пошли домой, – предложила Алка мальчикам и Ире. – Мама ругается. Все уже ясно с этой лживой Настей. Надо папе рассказать правду о ней. Пусть с ней полиция работает.

– Я согласен с Алкой, – сказал Артем. – И жрать хочется, мочи нет.

– А я считаю, надо немного подождать, – робко произнесла Ира.

– Чего ждать? – удивилась Алка.

– Ну... мне эта Настя очень понравилась. Я не верю, чтобы она была воровкой. Да еще обворовала таких больных и обездоленных детей. Что-то в этом не так.

– Ладно, – подвел итог Коля, чувствуя себя сегодня явным лидером. – Выждем еще день или два. Может, эту лгунью и верно совесть замучает и она вернет ампулы? А если нет, послезавтра все расскажем папе.

На том и порешили. Как раз подъехал автобус, и вся ватага с шумом и хохотом погрузилась в него и отправилась домой, ужинать.

Следующие несколько дней, однако, заставили ребят немного позабыть о Насе и похищенных ей ампулах. В школе, как на грех, были сплошные контрольные. У Артема в секции внепланово решили провести соревнования, Коля спешно исправлял пару по химии, которую схватил, не выучив домашнего задания. Гришаня вообще позабыл обо всем, самозабвенно тренируя Ваську, который явно был близок к тому, чтобы начать наконец понимать человеческую речь. Сергей Павлович приходил с работы очень поздно, грустный и понурый. Он даже ужинать стал в одиночестве на кухне, лишь в компании одной Натальи Ивановны. Во время ужина они тихо о чем-то переговаривались, так что дети не могли ничего разобрать.

Еще через день с противными контрольными было покончено. Из-за туч выглянуло яркое мартовское солнышко, сугробы на глазах съежились и почернели. Алка и Ира возвращались из школы домой. Обычно в последнее время Алку провожался кто-то из одноклассников. Но сегодня все обожатели куда-то подевались, и Алка решила дожидаться сестру, которая после уроков занималась в кружке рисования. Вместе они вышли на улицу, с удовольствием вдыхая свежий весенний воздух.

– Как здорово! – Ира поддела носком ботинка кусочек от-

коловшейся льдинки и погнала его по тротуару, как хоккейную шайбу. – Скоро станет совсем тепло!

– Не хочется домой, – сказала Алка.

– Не хочется. Пойдем в сквер? Погуляем часок. Нам на завтра почти ничего не задали.

– Везет. У меня полно уроков. Но не вопрос. Я за сквер!

Девочки перешли дорогу и зашли в небольшой скверик, в котором часто любили гулять. Сквер был оборудован скамейками, в нем располагались палатки с мороженым, горячей кукурузой и сладкой ватой. Зимой здесь можно было кататься на коньках, а летом – на велосипедах и самокатах. Алка и Ира купили сладкой ваты и уселись на спинке одной из скамеек, любуясь на то, как наглый воробей ворует хлебные крошки из-под самого носа целой стаи ленивых голубей.

– Смотри какой! – заливалась хохотом Ира. – Как он их! Давай, давай!

Алка тоже смеялась и с удовольствием прислушивалась к своему смеху: ей казалось, он звучит, как хрустальный колокольчик.

– Добрый день, девушки! – раздался вдруг над их головами приятный и молодой мужской тенорок.

Ира и Алка увидели перед собой высокого молодого человека в длинном плаще. На вид парню было лет двадцать, а может и больше.

– Добрый, – ответила Алка и привычным жестом поправила волосы.

Ира ничего не ответила и опустила глаза.

– Сегодня прекрасный день, – сказал незнакомец и уселся рядом на спинку скамейки.

– Согласна, – кокетливо проговорила Алка.

Парень ей нравился. Он был симпатичным, а главное – взрослым. Она была уверена, что он хочет познакомиться с ней. А вот Ира была уверена в обратном. Мама часто говорила им, что нельзя ни в коем случае разговаривать с неизвестными мужчинами, они могут оказаться преступниками. Поэтому Ира не понимала сестру, которая так охотно и непринужденно вступила в разговор с неизвестным.

– Как вас зовут, прекрасные девушки? – поинтересовался тем временем парень.

– Никак, – быстро и сквозь зубы ответила Ира.

– Никак? – простодушно удивился парень.

– Не слушайте ее, – тонко улыбнулась Алка. – Меня зовут Алла, она Ирина. Мы сестры.

Ира ткнула Аллку локтем в бок, но та и ухом не повела.

– А я Сергей. Сергей Яновский. Очень приятно. – Незнакомец пожал Алкину руку. Ирину тоже хотел пожать, но та отодвинулась от него на самый край скамейки и едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. – Ваша сестра боится меня, – мягко проговорил Яновский, обращаясь к Алке. – Напрасно. Я не преступник и не злоумышленник. И подошел к вам не случайно.

«Конечно, не случайно, – самодовольно подумала про се-

бя Алка. – Ты хочешь предложить мне встречаться».

Она уже представляла себе, какой фурор произведет на одноклассников ее появление в обществе взрослого и красивого молодого мужчины.

– Да, я подошел не случайно, – тем временем продолжал парень. – Дело в том, что я режиссер. У меня свой театр. Самодельный. Там играют школьники и молодежь. Мы сейчас ставим «Три мушкетера» Дюма. И нам нужны актрисы на роль Констанции Буонасье и Миледи. Я увидел вас и решил...

– Театр! – ахнула Алка. – У вас свой театр? Не может быть!

Это было воплощение ее заветной мечты. Не она ли грезила о сцене, о том, чтобы ее красоту по достоинству мог оценить не один единственный кавалер, а сразу множество зрителей! Алка хорошо знала книгу «Три мушкетера» и фильм смотрела много раз. Роль Констанции – главная женская роль в спектакле. И ей ее предлагают! Яновский смотрел на Алку и улыбался.

– Так вы согласны? Вы придете к нам в труппу?

– Да, да, я согласна, – почти крикнула Алка.

– А ваша сестра? – спросил Яновский.

– Сестра? – рассеянно переспросила Алка. Она как-то совершенно позабыла про сидящую рядом Иру. – А что сестра?

– Она тоже может прийти к нам на репетицию. Для нее найдется роль.

«Ну да, служанок ведь никто не отменял», – догадалась Алка, а вслух произнесла:

– За сестру ничего не могу сказать. Мы поговорим с ней наедине.

– Я уверен, вы уговорите ее попробовать, – обрадовался Яновский. – Итак, не буду вас больше задерживать. Вот реклама нашего театра. – Он достал из-за пазухи яркий цветной листок. – Тут все написано. Сайт. Адрес, как доехать. Это совсем недалеко отсюда. Репетиции два раза в неделю, по средам и пятницам. Завтра среда, и я жду вас к пяти часам. Если родители ваши будут беспокоиться, они могут позвонить мне вот по этому телефону. И да, занятия у нас совершенно бесплатные!

С этими словами он сунул листок Алке и, спрыгнув со скамейки, помахал девочкам рукой.

– До встречи!

– До встречи, – ответила Алка. Она дождалась, пока Яновский скроется из виду, и обратилась к сестре: – Ну! Что скажешь?

– Надо все рассказать маме! Вдруг он какой-нибудь маньяк!

– Да какой он маньяк! Обыкновенный режиссер. И я буду играть главную роль в его спектакле.

– Все равно, – не сдавалась Ира. – Мама должна все знать.

– Да ради бога, – согласилась Алка. – Он же сам велел звонить ему.

Вечером у девочек произошел серьезный разговор с Натальей Ивановной. Они втроем открыли сайт театра и тщательно изучили его. Выходило, что основателями театра были студенты Шукинского училища Сергей Яновский и Андрей Перепелкин. Они на собственные средства арендовали небольшое офисное помещение и уже поставили там пять спектаклей. Сайт изобилдовал яркими и выразительными фотографиями, которые очень понравились Наталье Ивановне. Наутро она позвонила по указанному в листовке телефону и поговорила с Сергеем Яновским, после чего девочкам разрешено было пойти на репетицию. Алка была в восторге, а вот Ира не горела желанием попробовать себя в актерском ремесле. Она считала себя некрасивой, невзрачной и боялась, что на сцене просто потеряется. Однако Наталья Ивановна уговорила дочку попробовать.

– Сходи, Ириша, – ласково сказала она. – Вдруг тебе станет интересно. И мне будет спокойней за Аллу. Все-таки ты у меня более благоразумная.

Последняя фраза оказалась наиболее убедительной. Ира решила пойти. Назавтра в пять они с Алкой стояли возле стеклянной двери с надписью «Молодежный театр-студия «Открытие». В маленьком, но очень уютном фойе толпился народ: мальчишки, девчонки, по виду ровесники Иры и Алки или чуть помладше. Все весело переговаривались, смеялись, кто-то примерял перед зеркалом мушкетерский плащ и шляпу, кто-то увлеченно махал шпагой. Едва Ира и Алка

подошли к гардеробу, как к ним навстречу выбежал Яновский. Он был не один. Рядом шел небольшого роста коренастый и широкоплечий блондин.

– Здравствуйте! – тепло поздоровался Яновский. – Рад вас видеть. Знакомьтесь, это мой друг и соратник Андрей Перепелкин.

Блондин пожал руку Ире, затем Алке, посмотрел на нее долгим и печальным взглядом и опустил глаза. «Влюбил-ся», – тут же определила та. Ей было приятно, но не более. Ей самой нравился Яновский. Без плаща, в элегантных синих джинсах и песочном джемпере он выглядел еще симпатичнее. Черные волосы его блестели, движения были энергичными и порывистыми. «Сегодня же закадрю его», – решила Алка.

Они прошли в зал и поднялись на сцену.

– Вот. – Яновский сунул Алке в руки листок с текстом. – Можешь прочесть?

– Конечно, могу. – Алка откашлялась и скосила глаза в листок. Брови ее удивленно полезли кверху. – Что это? – пробормотала она.

– Это твоя роль, – невозмутимо ответил Яновский.

– Но это не роль Констанции Буонасье! Эти слова принадлежат миледи Винтер!

– Да. – Яновский улыбнулся как ни в чем не бывало. – Совершенно верно. Это роль Миледи, и ты отлично на нее подходишь. На сто процентов!

– Но позвольте! – возмутилась Алка. – Я вовсе не хочу играть роль злодейки. И кто... кто тогда будет Буонасье? – Она ревниво огляделась по сторонам, опасаясь увидеть поблизости достойную по красоте конкурентку, но рядом не было никого, кроме Иры, одиноко стоящей поодаль, слегка опустив плечи. «Он просто шутит, – с облегчением подумала Алка. – Проверяет меня».

– Роль Констанции Буонасье мы попробуем отдать вашей сестре, – проговорил Яновский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.